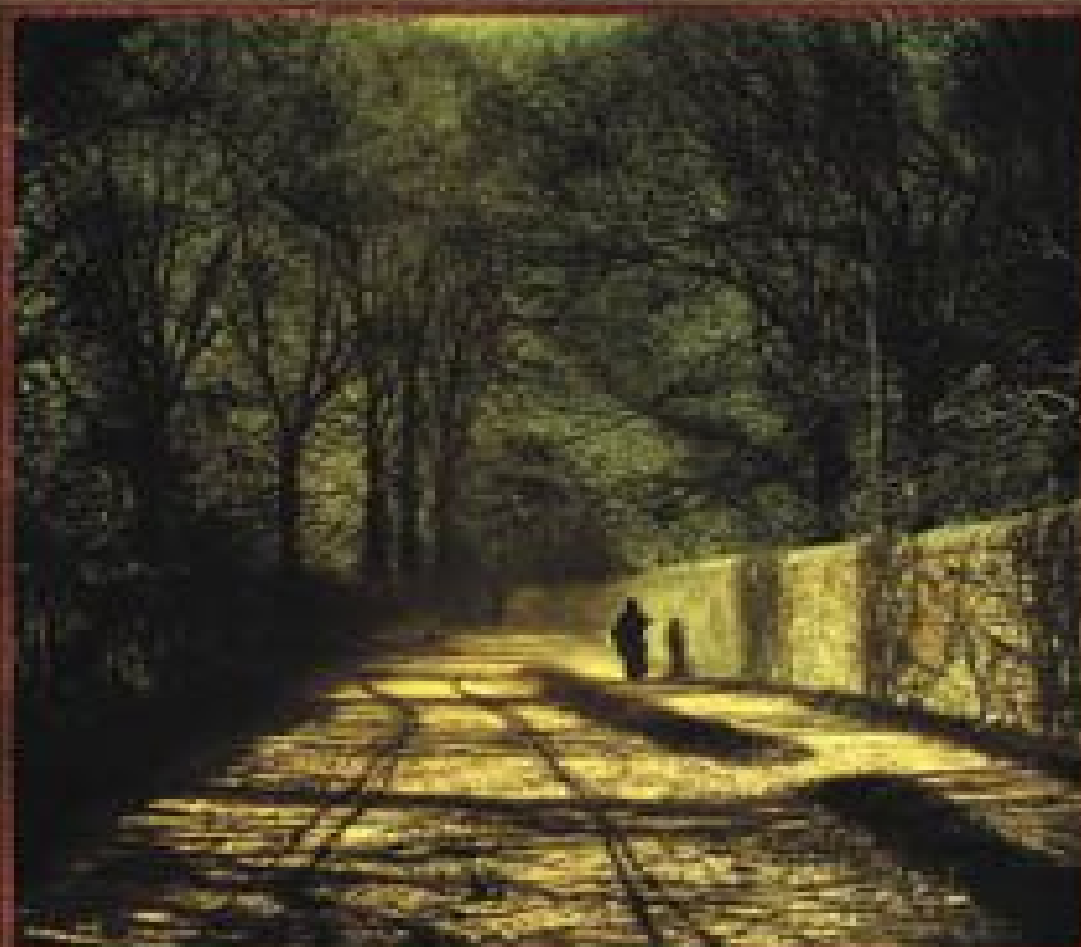

Тайна Эдвина Друда

Про книгу

Последний роман Чарльза Диккенса, идеальный психологический детектив с элементами «готики», тайну которого невозможно разгадать. Был ли убит Эдвин Друд? Что за незнакомец появляется в городе через полгода после убийства?

ЗОЛОТАЯ БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ

ЧАРЛЬЗ ДИККЕНС

Тайна Эдвина Друда

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНИЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МООП СОЮЗНОГО ДЕТСКОГО

Чарльз Диккенс

Тайна Эдвина Друда

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
2012

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2012

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2012

ISBN 978-966-14-3278-8 (epub)

Никакая часть данного издания не может быть скопирована или воспроизведена в любой форме без письменного разрешения издательства

Электронная версия создана по изданию:

Диккенс Ч.

Д45 Тайна Эдвина Друда / Чарльз Диккенс ; вступ. материалы Р. Трифонова и Е. Якименко ; худож. М. Курдюмов. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга» ; Белгород : ООО «Книжный клуб “Клуб семейного досуга”», 2012. — 416 с. : ил. — (Серия «Золотая библиотека приключений», ISBN 978-966-14-1318-3 (Украина), ISBN 978-5-9910-1598-1 (Россия)).

ISBN 978-966-14-2430-1 (Украина, т. 5)

ISBN 978-5-9910-1825-8 (Россия, т. 5)

УДК 821.111

ББК 84.4ВЕЛ

ФАКТЫ, ДАТЫ, ЦИТАТЫ

Современники и потомки о личности и творчестве Чарльза Диккенса

Ральф Уолдо Эмерсон (1803—1882), американский эссеист, поэт и философ

Этот гений слишком талантлив. Его талант как чудовищная машина, к которой он так крепко привязан, что не может ни освободиться, ни отдохнуть от нее.

Эдвард Фицджеральд (1809—1883), английский поэт

Я боготворю Диккенса и хочу видеть его Гэдсхилл [имение Диккенса] не меньше, чем шекспировский Стратфорд или дом Вальтера Скотта в Абботсфорде.

Томас Троллоп (1810—1892), английский писатель, друг Диккенса

Не в моих силах дать тем, кто никогда не видел Диккенса, хоть малейшее представление о его обаянии. Оно, конечно же, было следствием его гениальности. Ведь Диккенс мог быть еще одним великим писателем, но не согревать окружающую его атмосферу, как солнце. А он излучал тепло. Смех его кипел радостью жизни, но в нем слышался какой-то протест, словно, рассказывая о чем-то смешном или внимая чему-то особенно нелепому, Диккенс говорил: «Честное слово, это уж слишком смешно! Это переходит все границы», — и вновь разражался хохотом, словно комический смысл услышанного захлестывал его с головой. Этот смех неодолимо завладевал всеми присутствующими. Энтузиазм его был всемогущ. Он проникал во все его слова и поступки, настолько велика была его творческая сила, богатство мысли и чувства — характерные черты его гения.

Иван Александрович Гончаров (1812—1891), русский писатель

Не один наблюдательный ум, а фантазия, юмор, поэзия, любовь, которой он, по его выражению, «носил целый океан» в себе, — помогли ему написать всю Англию в живых бессмертных типах и сценах.

Иван Сергеевич Тургенев (1818—1883), *русский писатель*

[Диккенс] превосходный чтец, можно сказать, разыгрывает свои романы, чтение его — драматическое, почти театральное: в одном его лице является несколько первоклассных актеров, которые заставляют вас то смеяться, то плакать...

Федор Михайлович Достоевский (1821—1881), *русский писатель*

...Мы на русском языке понимаем Диккенса, я уверен, почти так же, как англичане, даже, может быть, любим его не меньше его соотечественников. А однако, как типичен, своеобразен и национален Диккенс.

Диккенс и Уильям Уилки Коллинз (1824—1889), *английский писатель, друг Диккенса (по книге Х. Пирсона «Диккенс»)*

Многие привычки и особенности Коллинза так резко отличались от диккенсовских, что только диву даешься, как это им удавалось ладить друг с другом. ... Вот несколько примеров: Диккенс был помешан на пунктуальности; Коллинз никогда не смотрел на часы. Диккенс был чрезвычайно опрятен; Коллинз — неряшлив. Диккенс был щедр и безрассуден; Коллинз — скуповат и благоразумен. Диккенс был необыкновенно энергичен и горяч; Коллинз — невероятно ленив и скептичен. Для Диккенса праздность заключалась в том, чтобы заниматься каким-нибудь ненужным делом. Он отдыхал активно; Коллинз — пассивно. «Вы все превращаете в работу, — говорил Коллинз. — По-моему, тот, кто ничем не может заниматься, вполсилы, — страшный человек». ... Даже в вопросе о туалетах у них были разные вкусы. «Что мне делать с этой штукой?» — спросил кто-то Коллинза, показывая яркий шелковый лоскут. «Пошлите Диккенсу, — отозвался тот. — Он сошьет себе жилет».

Чарльз Диккенс-младший (1837—1896), *сын Чарльза Диккенса*

Когда отец писал очередную толстую книгу и с головой уходил в разработку сюжета, то проживал в это время две жизни. Одну — среди

нас, своих домашних, другую — в окружении им же выдуманных персонажей. Более того, я уверен, что временами создания его фантазии были для него более реальными, чем мы, живые. Часто я слышал от отца, что он не может заставить своих персонажей действовать по его воле, что они ведут себя, как считают нужным. Я очень хорошо помню, как отец рассказывал, будто его герои толпятся вокруг его письменного стола. Так бывало в те летние утренние часы, когда он, против обыкновения, рано садился за работу. И каждое из его созданий требовало постоянного внимания только к себе одному. В эти дни персонажи не оставляли его в покое даже на прогулке. И все мы понимали, что означает его молчание. Отец не просто прерывал разговор — он с головой уходил в свои мысли. Ему никто не мешал. Многие мили прошагал я рядом с молчащим отцом. Он шел быстро, смотрел прямо перед собой, губы его едва заметно шевелились, как шевелились они лишь тогда, когда он размышлял или писал. Отец не замечал того, кто шел рядом, и обгонял спутника. Когда же он наконец находил решение, то вновь принаравливал свои шаги к шагам идущего с ним рядом и возобновлял разговор, будто долгой паузы не было вовсе.

Мэри Диккенс (1838—1896), дочь Чарльза Диккенса

Папа предпочитал работать в одиночестве, но отблески приключений его героев мы наблюдали на его лице в течение всего дня. В часы, когда он работал, тишина соблюдалась неукоснительно, малейший звук роковым образом сказывался на работе. Хотя, как это ни странно, в эти часы шум и суэта большого города были, кажется, ему необходимы...

Александра Никитична Анненская (1840—1915), педагог и детская писательница

Две основные черты характеризуют все произведения Диккенса и обуславливают их громадную популярность. Это, во-первых, его юмор — неподражаемый, добродушный юмор, с которым он подходит ко всем явлениям в жизни. Юмор этот в редких случаях переходит в сатиру на общие государственные или общественные учреждения, но гораздо чаще останавливается на изображении отдельных личностей

или отдельных пороков, наиболее распространенных в английском обществе. ...

Вторая черта, отличающая произведения Диккенса, — это глубокая гуманность, можно сказать нежность, с какой он относится ко всему слабому, малому, обиженному судьбой или людьми.

В Диккенсе странным образом соединялась любовь к семейной жизни, к родному дому, к тесному кружку близких друзей со страстью к путешествиям, к перемене мест. Как только материальные средства его улучшились настолько, что он мог устраивать жизнь по своему вкусу, он стал каждый год предпринимать небольшие поездки по различным местам Англии.

Генри Джеймс (1843—1916), *американский писатель*

Каким бы ни был диккенсовский отпечаток на мягкой глине нашего поколения, глубина его такова, что он спокойно сносил накатывающиеся волны времени.

Джон Голсуорси (1867—1933), *английский прозаик и драматург*

Диккенс — писатель чрезвычайно безыскусственный и потому всегда отдавался на волю своего таланта; замечательный мастер веселых нелепостей и превосходный, необычайной силы стилист. Он был прирожденным рассказчиком и удивительно тонко понимал человеческую натуру и человеческие характеры; в этом великом художнике было какое-то озорство, как у школьника на рождественских каникулах.

Для меня Диккенс, бесспорно, величайший романист Англии и величайший в истории романа пример торжества подлинного, буйного таланта. Силою природного воображения и художественной выразительности он запечатлел в памяти людей такие яркие и

разнообразные представления о человеческой природе, каких не встретишь ни у кого из западных романистов.

Максим Горький (1868—1936), *русский писатель*

Диккенс остался для меня писателем, пред которым я почтительно преклоняюсь, этот человек изумительно постиг труднейшее искусство любви к людям.

Гилберт Кит Честертон (1874—1936), *английский мыслитель, журналист и писатель*

Диккенс — «как жизнь» в самом точном смысле слова; он сродни тому, что правит жизнью человека и мира; он — как жизнь хотя бы потому, что он живой. Книги его — как жизнь, потому что, как и жизнь, они считаются только с собой и весело идут своим путем. ... Не то искусство похоже на жизнь, которое ее копирует, — ведь сама она не копирует ничего. Искусство Диккенса как жизнь, потому что, как и жизнь, оно безответственно и невероятно.

В его описаниях есть детали — окно, перила, замочная скважина, — которые наделены какой-то бесовской жизнью. Они реальней, чем здесь, наяву. Такого реализма нет в реальности, это — невыносимый реализм сна. Научиться ему можно не наблюдая, а мечтательно бродя. ... Этот сказочный реализм Диккенс находил повсюду. Мир его кишит живыми предметами.

Не часто ребенок вступает из жизни в школу, а не из школы в жизнь. Можно сказать, что у Диккенса юность предшествовала детству. Он видел жизнь во всей ее грубости прежде, чем стал к ней готовиться, и, быть может, знал худшие английские слова раньше, чем узнал лучшие.

Мы противопоставляем слабого сильному; Диккенс же был не только силен и слаб — он был очень слаб и очень силен. В нем было все, что мы зовем слабостью: он был раним; он мог в любую минуту расплакаться, как дитя; он так близко принимал к сердцу критику, словно его резали по живому; он был так впечатлителен, что истинные трагедии его жизни рождались из нервных срывов. Но в том, в чем сильные люди ничтожно слабы — в сосредоточенности, в ясности цели, в несокрушимой житейской храбрости — он был как меч. Миссис Карлейль [*Джейн Карлейль, жена писателя Томаса Карлейля*], умевшая на удивление точно определить человека, сказала как-то: «У него стальное лицо». Быть может, она просто увидела в многолюдной комнате, как чистый, четкий профиль Диккенса рассекает толпу, словно меч. Все, кто встречал его, год за годом, замечали, что он страшится близкого заката; и каждый год они замечали, что он восходит все выше. Уравновешенному, ровному человеку трудно понять его; такого, как он, каждый может ранить и никто не может убить.

Уильям Сомерсет Моэм (1874—1965), *английский писатель*

Энергия его казалась неистощимой. Мало того, что он выпускал один за другим длинные романы, он еще основывал и редактировал журналы, а однажды, недолгое время, и ежедневную газету, писал множество вещей «к случаю», читал лекции, выступал на банкетах, а позже — устраивал публичные чтения своих произведений. Он ездил верхом, делал пешком по двадцать миль в день, обожал танцевать и валять дурака, показывал детям фокусы, участвовал в любительских спектаклях.

Анатолий Васильевич Луначарский (1875—1933), *русский советский писатель, публицист, общественный и политический деятель*

Чарльз Диккенс! Каскад блестящих картин и типов, раскаты здорового, доброго смеха, неисчерпаемая выдумка, чародейство несравненного рассказчика, вспышки поэзии, порою взрывы благородного пафоса.

Стефан Цвейг (1881—1942), *австрийский писатель, критик*

Его великая и незабываемая заслуга состоит, собственно, в том, что он нашел романтику в обыденности, открыл поэзию прозы. Он первый опозэтизировал будни самой непоэтической из наций. Он заставил солнце пробиться сквозь эту беспросветную серую мглу, а кто хоть однажды видел, какой лучезарный блеск льет солнце, разгорающееся в пасмурном клубке английского тумана, тот знает, как должен был осчастливить свой народ писатель, который претворил в искусство этот миг избавления от свинцовых сумерек. Диккенс — это золотой свет, озаряющий английские будни, ореол вокруг скромных дел и простых людей, это английская идиллия.

Вирджиния Вулф (1882—1941), *британская писательница, литературный критик*

Отличительная черта Диккенса как создателя характеров заключается в том, что он создает их, куда ни бросит взгляд, у него удивительная способность визуального изображения. Его персонажи запоминаются нам навсегда, прежде чем они сказали хоть слово, — запоминаются теми черточками поведения, которые он подметил; кажется, что именно зрение приводит в движение творческую мысль Диккенса.

Франц Кафка (1883—1924), *австрийский писатель*

20 августа. Читал о Диккенсе. Это так трудно — да и может ли сторонний человек понять, что какую-нибудь историю переживаешь с самого ее начала, от отдаленнейшего пункта до встречи с наезжающим локомотивом из стали, угля и пара, но и в этот момент не уходишь от нее, а хочешь и находишь время, чтобы она гнала тебя и ты по собственному порыву мчишься впереди нее туда, куда она толкает и куда ты сам влечешь ее (*Из дневника*).

Хескет Пирсон (1887—1964), *английский писатель, автор биографии Чарльза Диккенса*

Главное же, чем отличается наш герой, это его юмор. Вот почему Диккенс живет и в наши дни, вот чем должна дышать каждая фраза книги о нем. Как в творчестве, так и в жизни самой пленительной его чертой была веселость. Те, кто видел его хоть раз, могли потом забыть

его внешность, его манеру держаться, но его смех — никогда! В основе комического дарования Диккенса лежит его сверхъестественная наблюдательность: он видел все и почти во всем подмечал что-нибудь смешное.

Чарльз Спенсер «Чарли» Чаплин (1889—1977), американский и английский киноактер, сценарист, композитор и режиссер

...Будь Диккенс жив сегодня, он был бы критиком современной эпохи, он был бы критиком нашей западной демократии, ... он осудил бы ученых, которые не чувствуют моральной ответственности, передавая атомную бомбу в руки военщины. Его литературный труд много прибавил величии английской литературы и величии самой Англии.

Джордж Оруэлл (1903—1950), английский писатель и публицист

Когда читаешь любую прозу, отмеченную яркой индивидуальностью стиля, ловишь себя на ощущении, будто за строчками, за страницами проступает лицо. Не обязательно «натуральное» лицо писателя. ... Со страниц проступает лицо, которое, полагаем мы, следует иметь автору. Так вот, читая Диккенса, я вижу лицо, не совсем схожее с фотографическими изображениями, хотя и напоминающее их. Лицо человека лет сорока. Небольшая бородка. Стоячий воротничок. Человек смеется. В смехе различима нотка гнева, но никакого торжества, никакого злорадства. Передо мной лицо человека, который вечно с чем-то сражается, сражается открыто, и его не запугать, лицо человека, который *щедро гневен*, — иными словами, лицо либерала девятнадцатого столетия, свободного интеллектуала.

Яркие эпизоды биографии писателя

Из воспоминаний Чарльза Диккенса

(Один из самых известных фактов биографии Диккенса — то, что в 1822 году его отец был посажен в тюрьму, а Чарльз был вынужден работать на фабрике ваксы. Этот эпизод — из воспоминаний писателя о том тяжелом периоде своей жизни.)

Я был такой маленький, такой еще ребенок, у меня было так мало предусмотрительности (вспомните, что мне едва минуло одиннадцать лет), что когда я утром отправлялся на фабрику, то, глядя на пирожки, выставленные в окнах кондитерских, не мог противостоять искушению и часто оставлял там деньги, которые должен был сохранить на обед. Я обходился тогда без него... или покупал хлебец и кусочек пудинга. Нам давали полчаса на полдник, и когда я бывал богат, то входил в маленькое кафе и проглатывал чашку кофе, съедая при этом кусок хлеба с маслом. Когда же карманы мои были пусты, я расхаживал по Ковентгарденскому рынку, созерцая ананасы. Есть там кафе, куда я ходил часто и которое всегда буду помнить. Над входной дверью, на большом овальном матовом стекле, выделялась надпись: *Coffee-Room*. И теперь еще, если, обедая в ресторане, я со своего места увижу над входом эти два слова навыворот «*tooR-eeffoC*», дрожь пробегает по моему телу.

По книге Г. К. Честертон «Чарльз Диккенс»

Однажды его отца спросили, где воспитывался Чарльз. «Как бы вам сказать, — со свойственной ему раздумчивостью отвечал толстяк. — Он, в сущности... гм-гм... Он сам себя воспитал». Так оно и было.

По книге А. Н. Плещеева «Жизнь Диккенса»

Чарльзу было два года, когда служебные обязанности вызвали его отца в Лондон; но у него сохранились некоторые очень живые воспоминания о жизни в Портсмуте. Он любил описывать палисадник, находившийся перед их домом. ... Он помнил также, как его водили однажды смотреть на парад, и двадцать пять лет спустя узнал плац, на котором происходил этот парад. Он помнил, наконец, что семья покинула Портсмут во время снежной метели. А между тем ему было тогда не больше двух лет.

Скажем также несколько слов о собаках Диккенса, которых он ужасно любил. Наибольшими фаворитами его были Тюрк и Линда, два сенбернара, самец и самка. Они сопровождали своего господина во

всех его прогулках. Еще была у него маленькая белая собачка померанской породы, принадлежавшая его младшей дочери. Список его любимцев был бы не полон, если бы мы не включили в него знаменитого кота, глухого и «безымянного», которого прислуга почтительно называла «господским котом». Это таинственное животное никогда не покидало Диккенса. Кот лежал около него, ел вместе с ним, спал у его ног, в то время как он писал. Однажды вечером, когда невестка и дочери Диккенса уехали куда-то по соседству на бал и он, оставшись один в квартире, читал у маленького столика, при свете стоящей на нем свечи, огонь вдруг погас. Увлеченный своим чтением, он поспешил снова зажечь свечу и, зажигая ее, заметил, что кот смотрел на него с весьма патетическим выражением. Он продолжал читать. Несколько минут спустя огонь снова стал гаснуть, он поднял глаза и увидел кота с поднятой передней лапой, которой он собирался потушить свечку. Потом странное животное опять принялось смотреть на своего господина умоляющим взглядом. Диккенс понял этот немой призыв: он отложил книгу в сторону, и, пока не настало время лечь спать, все играл с животным.

Из речи А. И. Кирпичникова «Диккенс как педагог»

Он чрезвычайно любил детей, сперва чужих, потом своих. Достаточно, я думаю, указать на один случай, приводимый его биографом: дочери Диккенса пожелали выучить отца к празднику танцевать польку; Диккенс охотно покорился их капризу; целую неделю он ломал себе ноги. А накануне праздника вдруг пришла ему ужасная мысль: ну как он все же осрамится перед гостями и тем огорчит дочерей. Он вскочил с постели и тут же в спальне произвел себе экзамен; к счастью, он сошел удовлетворительно, и Диккенс заснул спокойно. На вечере Диккенс превзошел самих юных танцоров и привел тем дочерей в восторг.

По книге А. Н. Анненской «Чарльз Диккенс»

В начале 1840 года, во время бракосочетания королевы Виктории, он поверг в величайшее недоумение одного из своих друзей, сообщив ему письмом, что безнадежно влюблен в королеву. ... Фантазия представляться влюбленным в королеву продолжалась у Диккенса целый месяц. Он и его два друга, Форстер и Меклиз, раздували эту

фантазию до чудовищных размеров, строили на основании ее самые нелепые планы и приводили в полное недоумение присутствовавших, не посвященных в дело и не знавших — принимать ее в шутку или всерьез, тем более что сам Диккенс с неподражаемым искусством изображал влюбленного, доведенного несчастной страстью до полного отчаяния.

(1857 г.) Королева Виктория пожелала увидеть на сцене автора, с произведениями которого была хорошо знакома, и просила его устроить одну из генеральных репетиций в Букингемском дворце. Диккенс отвечал почтительным письмом, в котором заявил, что считает несовместимым с достоинством писателя ходить забавлять даже коронованных особ, и просил ее величество почтить своим присутствием одно из представлений в его собственном доме. Королева согласилась, приехала вместе с наследным принцем, осталась очень довольна спектаклем и по окончании его пожелала, чтобы Диккенс представился ей. Но и эту честь романисту пришлось отклонить. «Я просил передать, — пишет он, — что, надеюсь, королева простит мне, но что я считал бы достоинство писателя униженным, если бы явился к ней в костюме скомороха». Ее величество не настаивала более. Свидание романиста с королевой состоялось гораздо позже, уже в 1870 году, после его вторичного посещения Америки. Диккенс привез фотографические снимки с полей битв, происходивших во время войны за освобождение, и королева пожелала, чтобы он сам показал их ей. Она очень долго и дружелюбно разговаривала с ним и в заключение подарила ему экземпляр своего «Шотландского дневника», сказав, что это приношение самого скромного одному из самых великих современных писателей.

По книге Х. Пирсона «Диккенс»

Джейн Карлейль рассказывает об одном безудержно веселом празднике, душою и заводилой которого был не кто иной, как Диккенс. Он заранее купил себе полный набор «магических» предметов,

необходимых фокуснику, и у себя в комнате, один, каждый вечер учился проделывать таинственные и загадочные вещи. Он заставлял карманные часы исчезать и вновь появляться неведомо откуда совсем в другом месте. По его велению деньги из правого кармана вдруг оказывались в левом. Он сжигал носовые платки, дотрагивался до золы волшебной палочкой — и платки были снова целехоньки. Он мог превратить ящик с отрубями в живую морскую свинку, насыпать в мужскую шляпу муки, добавить сырых яиц и еще кое-каких специй, подержать все это на большом огне и затем извлечь из шляпы горячий, дымящийся пудинг с изюмом, а шляпу вернуть владельцу целой и невредимой.

Его неистощимое веселье было так заразительно, что когда его друзья приглашали к себе гостей, а он был занят, то друзья просили его зайти хотя бы ненадолго, только чтобы приготовить пунш или нарезать жареного гуся. Приготовление пунша было для него настоящим ритуалом, сопровождавшимся серьезными и шуточными замечаниями о составе смеси и действии, которое она произведет на того или иного гостя. Диккенс посвящал этому напитку спичи, составленные по всем правилам ораторского искусства, и, объявив, что пунш готов, разливал его по бокалам с видом фокусника, извлекающего диковинные предметы из своей шляпы.

«Ручаюсь, что я точен, как часы на здании Главного штаба», — хвастался Диккенс. Он являлся на свидания минута в минуту, а к столу в его доме садились вместе с первым ударом часов. Мебель в комнатах была расставлена так, как он того желал; место каждого стула, дивана, стола, каждой безделушки было определено с точностью до квадратного дюйма. ... Стоило ему приехать в меблированный дом или гостиницу, как он все переставлял по-своему, даже гардероб и кровать. «Все, разумеется, в полном порядке, — писал он на борту корабля. —

Мои бритвенные принадлежности, несессер, щетки, книги и бумаги разложены с такой же аккуратностью, как если бы мы собрались прожить здесь месяц». Накануне возвращения из Америки его занимали «мысли о том, в порядке ли мои книги, где стоят столы, стулья и прочая обстановка».

Диккенс разъезжал со своими чтениями по всей Англии, Шотландии и Ирландии, начиная с 1858 и кончая 1870 годом. ... Тысячи и тысячи людей съезжались на его чтения в большие города и не могли попасть на концерты из-за нехватки мест. Его встречали громом оваций, на которые он не обращал ни малейшего внимания, и часто, когда чтение было окончено и Диккенс успевал уже переодеться и уехать домой, публика, стоя на ногах, все еще продолжала аплодировать.

Говорят, что если актер не нервничает, он не может подняться до самых высот своего искусства. Диккенс был исключением из этого правила. В роли исполнителя-актера, оратора, чтеца он отличался необыкновенным самообладанием (в роли творца, как мы знаем, дело обстояло несколько иначе) и в совершенстве владел своими нервами. Это самообладание и власть над аудиторией не раз подтверждались на практике. Так, во время представления ... в Лондоне загорелся занавес, и зрители ринулись к единственному выходу. Диккенс, который был в этот момент занят на сцене, подошел к рампе и сказал повелительным тоном: «Все по местам!» Пятьсот светских дам и джентльменов, испугавшись его голоса сильнее, чем огня, немедленно подчинились, а он, отдав необходимые распоряжения, продолжал играть.

В тот момент, когда он выходил на сцену — прямой и сдержанный, с цветком в петлице и перчатками в руке, выставив по обыкновению правое плечо вперед, раздавался такой восторженный рев, что нельзя было понять, как он может оставаться спокойным. Его встречали с такой огромной и искренней радостью, что даже он иногда чувствовал себя растроганным, но никогда не показывал этого, делая вид, что все это его не касается.

Летом 1867 года он слег Пошли слухи о том, что здоровье его сдает, и это была суцая правда, хотя он настойчиво не желал признать ее.

«Его здоровье находится в критическом состоянии», — писала одна газета. «Это опечатка — в крикетическом!» — поправил он.

Он не любил, когда дети старшего сына называли его «дедушкой», и поладил с ними на титуле «Достопочтенный». В распоряжение внуков был отдан весь дом, но кабинет хозяина оставался святыней, и когда одна гостья решила познакомиться с библиотекой Диккенса, кто-то из внучат, пробегая мимо, послал ей тревожное предостережение: «Эй, берегитесь, мисс Бойль! Если Достопочтенный узнает, что вы роетесь в его книгах, вам влетит по первое число!»

Роман «Тайна Эдвина Друда»

Генри Уодсворт Лонгфелло (1807—1882), американский поэт
Без сомнения, одна из лучших его книг, если не самая лучшая.

Кейт Перуджини Диккенс (1839—1870), дочь Чарльза Диккенса
То, что во время работы над «Эдвином Друдом» ум моего отца был ясен и светел, ни у кого из нас, его домашних, не вызывает сомнения.

И тот огромный интерес, который он испытывал к этой своей работе, проявлялся во всем, что бы он ни говорил, ни делал. Но интерес этот был предметом беспокойства тех, кто видел, как он работает. Считали, что отец слишком неэкономно расходует свои силы. ... Любые попытки остановить его кипучую деятельность были сродни попыткам остановить реку.

Гилберт Кит Честертон

В своей последней книге Диккенс еще раз попытался уйти от хаотичной раскованности ранних книг. Он не только стремится лучше выстроить сюжет — он все строит на сюжете. Он не только хорошо ведет интригу — в интриге вся суть романа. «Тайна Эдвина Друда» (1870) — самая честолюбивая из его книг. Всем известно, что это детектив, и очень хороший, иначе он не вызвал бы таких споров. Даже если бы Диккенс его окончил, роман занял бы особенное место «Эдвин Друд» не окончен, Диккенс умер, не дописав его.

Диккенс оставил после себя фрагмент, почти не поддающийся разгадке, — часть «Эдвина Друда». ... Диккенс не только не утерял мастерства — он его приумножил. Но, перелистывая эти темные страницы, мы снова задумываемся о том, о чем нередко думают искренние его поклонники. Лучше или хуже он стал, овладев техникой реализма? Поздние его герои больше похожи на людей, но ранние, возможно, больше похожи на богов. Он умеет написать правдоподобную сцену, но тот ли это Диккенс, который умел описывать небывалое? Где молодой гений, творивший майоров и злоумышленников, каких не создать природе? ... Много на свете хороших писателей, но Диккенс — один, и что же с ним стало?

Он остался живым до конца. В неразгаданной последней книге он появляется вдруг во всем великолепии, как фокусник, прощающийся с миром. В самую сердцевину разумной и невеселой повести о добром священнике и тихих башнях Клойстергема Диккенс спокойно вставил эпизод редкой прелести и исключительной нелепости. Я имею в виду комичную и невероятную эпитафию миссис Сапси, где покойница названа «почтительной женой», а муж ее, Томас, сообщает, что она «взирала на него с благоговением», и кончает словами, столь великолепно запечатленными на камне: «Прохожий, остановись! И спроси себя, можешь ли ты сделать так же? Если нет, краснея,

удались». ... Ни на одном кладбище нет столь бесценного надгробия; его и не может быть в мире, где есть кладбища. Такого бессмертного безумия нет в мире, где есть смерть. Мистер Сапси — одна из радостей, ожидающих нас на том свете.

Да, было много Диккенсов — умный Диккенс, трудолюбивый Диккенс, Диккенс гражданственный, — но здесь явил себя Диккенс великий. Последний взлет невероятного юмора напоминает нам, в чем его сила и слава. Похвала этой блаженной нелепости пусть будет последней похвалой ему, последним словом признания. Ни с чем не сообразная эпитафия миссис Сапси станет торжественной эпитафией Диккенсу.

Джон Каминг Уолтерс (президент Диккенсовского общества в 1910—1911 гг.)

«Эдвин Друд» — это только торс статуи, и, созерцая этот незаконченный шедевр, мы понимаем, как искусна была рука, которая его изваяла, как силен был интеллект, который его замыслил, и как прекрасны были бы пропорции этого творения, если бы автор успел его завершить.

Николай Николаевич Асеев (1889—1963), *русский советский поэт*

Тайна Эдвина Друда

(1958)

Вам хотелось бы знать
тайну Эдвина Друда?
Это Диккенса
самый последний роман.
Он его не окончил.
Осыпалась гряда,
и молочной стеной
опустился туман.
Вы мне станете петь
про нелепость,
про дикость
всяких тайн,
от которых и пепел остыл.
А ко мне приходил
в сновидениях Диккенс
и конец,
унесенный с собою,
открыл.
Что случилось действительно
в Клойтергэме,
в этом
автором выдуманном
городке?
Кто распутает узел,
затянутый в теме,
лед могильного камня
согреет в руке?
Было так:
двое юношей вышли к потоку,
и один не вернулся...
Другой обвинен.
И осталось разгадывать тайну потомку
этих давних,
дождями залитых времен.

Тамара Исааковна Сильман (1909—1974), *литературовед*

Читателю, увлекшемуся «Тайной Эдвина Друда», дано особенно остро почувствовать утрату великого писателя. Ибо, дочитав до того

места, где он обрывается, читатель оказывается в роли султана, которого обманула прекрасная Шехерезада, оборвавшая нить своего повествования на самом страшном и интересном месте и не возвратившаяся ни в одну из последующих ночей.

Неоконченный детективный роман — это не просто неоконченный роман. Сюжет здесь не только не получает своего логического завершения, но лишен сердцевины, существа — разгадки. В то же время «Тайна Эдвина Друда» — одно из самых замечательных произведений Диккенса по глубине психологического рисунка.

Попытки разгадать тайну

По книге Т. Сильман «Диккенс»

Как во всех произведениях подобного рода, читатель призван к напряженной работе ума, происходящей параллельно с развивающимися событиями. И когда произведение внезапно обрывается и работа насильственно прервана, то наличие собственного читательского решения проблемы почти что неизбежно.

Может быть, этим обстоятельством объясняется такое большое число появившихся «продолжений» «Тайны Эдвина Друда».

Ряд высказанных предположений сводится к тому, что Эдвин Друд на самом деле не был убит своим дядей, что ему, замурованному в склепе согласно первоначальному злодейскому замыслу, все же удалось спастись и что переодетый стариком неизвестный человек по имени Датчери и есть спасшийся герой, явившийся на место преступления, чтобы раскрыть тайну своего «убийства» и обнаружить преступника.

По книге М. П. Тугушевой «Чарльз Диккенс»

Американский ученый Проктор пришел к неожиданному выводу: Дэчери — не кто иной, как сам Эдвин Друд, чудом спасшийся от гибели и теперь преследующий Джаспера, чтобы предать его суду Но спрашивается: зачем же Эдвину Друду собирать улики, когда он и так уже знает, что его дядя негодяй? Против вывода Проктора свидетельствует и сообщение Чарльза Диккенса-младшего. Однажды,

гуляя с отцом, он спросил, действительно ли убит Эдвин Друд. И тот ответил: «Конечно! А ты что думал?»

Художник Чарльз Ольстон Коллинз, брат Уилки Коллинза и муж младшей дочери Диккенса Кейт, сделал еще при жизни писателя рисунки к роману (Диккенс, наверное, их видел). Один из рисунков изображает важную сцену: Джаспер с фонарем входит в темное помещение, очевидно, подzemелье, и видит спокойно ожидающего человека. Лицо незнакомца молодо. Одну руку он поднес к груди, словно собирается что-то вынуть из кармана сюртука. Но что? Оружие? А может быть, кольцо? ... Уолтерс утверждает, что молодой человек ... — переодетая в мужское платье Елена. ... Это она, в гриме и мужском платье, выдает себя за Дэчери.

По книге Дж. К. Уолтерса «Ключи к роману Диккенса “Тайна Эдвина Друда”»

...Издатели Диккенса всегда отвергали слишком поспешные умозаключения и никогда не давали своей санкции на сочинение каких-либо «окончаний» «Эдвина Друда» якобы в духе автора. В Америке, правда, вышла наглая книжонка с именами Уилки Коллинза и Чарльза Диккенса-младшего на титульном листе, но ее настоящие авторы впоследствии сознались в обмане.

В том же году, когда началась и преждевременно кончилась публикация «Эдвина Друда», в Нью-Йорке за подписью Орфеуса С. Керра вышла книга под заглавием «Раздвоенное копыто. Переложение английского романа “Тайна Эдвина Друда” на американские нравы и обычаи, обстановку и действующих лиц». В декабре 1870 года тот же автор поместил в ежегоднике «Пикадилли Эннуэл» статью «Тайна мистера Э. Друда». Более интересна книга «Тайна Джона Джаспера», вышедшая в Филадельфии в 1871 году, размером почти равная оригиналу и представлявшая собой попытку дополнить недостающие главы. Два года спустя, и тоже в Америке, появилось фантастическое произведение, будто бы продиктованное духом Диккенса на спиритическом сеансе, которое беззастенчиво

именовалось «Вторая часть “Эдвина Друда”». В 1878 году одна манчестерская дама, писавшая под псевдонимом Джиллан Вэз, выпустила трехтомник под названием «Великая тайна разгадана. Продолжение романа “Тайна Эдвина Друда”». Реальная ценность и литературные качества этих трех томов обсуждались критикой — отзывы были неблагоприятные и даже уничтожающие.

Клойстергэм — это, собственно, Рочестер, и в Рочестере случилось одно происшествие, которое, как полагают, и послужило Диккенсу материалом для этого романа. Эта история рассказана в книге У. Р. Хьюза «Неделя в диккенсовских местах».

Один тамошний житель, холостяк и человек со средствами, но небогатый, был опекуном и попечителем своего племянника, которому по достижении совершеннолетия предстояло вступить во владение огромным состоянием. Молодой человек уехал в Вест-Индию, потом неожиданно вернулся. После этого он исчез. Предполагали, что он снова отправился в путешествие. Дом его дяди находился на Главной улице и граничил с участком, принадлежавшим банку. Когда много лет спустя там производили земляные работы, был найден скелет молодого мужчины. По местному преданию, дядя убил своего племянника и закопал его тело. Вот зародыш «Тайны Эдвина Друда», и тайна тут не столько в самом преступлении, сколько в том, как оно было скрыто и как потом обнаружено.

Люк Филдс, художник, избранный Диккенсом для иллюстрирования «Эдвина Друда», решительно отвергает версию Проктора. Он убежден ..., что, по замыслу Диккенса, Эдвин Друд должен был погибнуть от руки своего дяди; недаром в четырнадцатой главе появляется на шее Джаспера «длинный черный шарф из крепкого крученого шелка», — он-то, очевидно, и послужил орудием убийства. Такая заметная и неудобная в живописном отношении

деталь не ускользнула от внимания художника, пристально изучавшего внешний облик действующих лиц, которых ему предстояло изображать, и когда Филдс сказал об этом Диккенсу, тот удивился и даже словно бы смутился, как человек, нечаянно выдавший свой секрет. Далее Филдс говорил, что Диккенс хотел взять его с собой в камеру осужденных в Мэйдстоне или какой-нибудь другой тюрьме для того, чтобы он мог сделать там зарисовки. «А из этого можно заключить, — сказал Филдс, — что Диккенс намеревался показать нам Джаспера в камере осужденных перед его казнью».

По статье И. И. Смаржевской «Кто такой мистер Дэчери?»

В своей статье Уолтерс убедительно доказывает, что Дэчери — это женщина. Причины тому следующие: Дик Дэчери носит большой парик, чтобы скрыть волосы женщины; он имеет привычку по-женски встряхивать волосами; ему присуща манера носить шляпу, не надевая (что естественно при большом парике летом) и зажимая ее по-женски под мышкой; результаты расследования Дэчери записывает меловыми черточками разной длины (по способу, принятому в старинных трактирах), чтобы не быть узнанной по почерку (в ту эпоху мальчиков учили «круглому» шрифту, девочек — «заостренному» с росчерками).

Однако Уолтерс ошибается, определяя, кто эта женщина. Он подробно рассматривает поступки действующих лиц (всех, кроме Розы и мисс Твинклтон) и отводит роль Дэчери Елене — второстепенной героине, которая редко появляется на сцене.

Методом исключения мы установили, что единственно возможная кандидатура на роль Дэчери — это Роза. Уолтерс игнорирует Розу — главное действующее лицо. Странно, что Роза выпала из поля его зрения: у невесты убили жениха — кому, как не ей, отомстить за него? У Диккенса нет ни одной случайной детали: все работает в его повествовании. Внимательно читая роман, мы найдем доказательство сходства Розы и Дэчери.

Суд над Джоном Джаспером

В январе 1914 года Диккенсовское общество подвергло Джона Джаспера «суду». По словам Дона Ричарда Кокса, автора статьи «Бернард Шоу об “Эдвине Друде”», «посадив Джаспера на скамью подсудимых и заставив его и других героев давать показания в “настоящем” суде, литературоведы надеялись, что жюри сумеет разрешить загадку романа “законным” путем. Целые группы исследователей возмечтали о том, что их версии исчезновения Друды и доказательства того, кто такой Дэчери, найдут подтверждение в выводах суда. В мероприятии, задуманном как однодневная забава, кое-кто увидел возможность доказать свою правоту в литературном споре, не утихавшем на протяжении десятилетий».

Судьей был назначен Гилберт Кит Честертон, главой присяжных — Джордж Бернард Шоу. Последний сначала отказывался принять участие в процессе и относился к нему скептически, поскольку невысоко оценивал само произведение.

(Из письма Б. Шоу в ответ на приглашение принять участие в суде (по статье Д. К. Кокса): «Если я войду в состав присяжных, это, надо думать, плохо скажется на процессе, ибо единственный приговор, который я способен вынести от чистого сердца, — оправдательный, по той причине, что если Джаспер не убивал Эдвина Друды, то он, само собой, не повинен в убийстве, а если все же убил, то нет и не может быть никакой вины на человеке, который убивает столь ужасного скучнягу, даже если и сам он скучняга немногим лучше убитого».)

В результате Джон Джаспер был признан виновным в непреднамеренном убийстве. Судья закончил заседание такими словами: «Мое решение таково: все здесь присутствующие, кроме меня, приговорены к тюремному заключению за неуважение к суду. Отправляйтесь все в тюрьму без всякого разбирательства!»

В апреле того же года суд над Джоном Джаспером состоялся и в США.

Литература

Анненская А. Н. Чарльз Диккенс. Его жизнь и литературная деятельность. — СПб., 1892. — 79 с.

Голсуорси Дж. Силуэты шести писателей // Голсуорси Дж. Собрание сочинений: В 16 т. — Т. 16. — М.: Правда, 1962. — С. 394—411.

Достоевский Ф. М. Дневник писателя. 1873 // <http://magister.msk.ru/library/dostoevs/dostdn01.htm>

Кирпичников А. И. Диккенс как педагог: Речь, читанная на акте Императорского Харьковского университета 17 января 1881 г. — Харьков, 1881. — 73 с.

Михальская Н. П. Чарльз Диккенс: Кн. для учащихся. — М.: Просвещение, 1987. — 128 с.

Моэм У. С. Чарльз Диккенс и «Дэвид Коппервилд» // http://www.gramotey.com/?open_file=1269006629

Нерсесова М. А. Творчество Чарльза Диккенса. — М.: Знание, 1957. — 32 с.

Оруэлл Дж. Чарльз Диккенс // Оруэлл Дж. Эссе. Статьи. Рецензии. — Пермь: КАПИК, 1992. — С. 85—134.

Пирсон Х. Диккенс. — М.: Молодая гвардия, 1963. — 512 с.

Плещеев А. Н. Жизнь Диккенса. — СПб., 1891. — 296 с.

Сильман Т. И. Диккенс: очерки творчества. — Ленинград: Худ. лит., 1970—376 с.

Тайна Чарльза Диккенса: Библиографические разыскания / Сост.: Е. Ю. Гениева, Б. М. Парчевская. — М.: Книжная палата, 1990. — 536 с.

Тугушева М. П. Чарльз Диккенс: очерк жизни и творчества. — М.: Дет. лит., 1979. — 208 с.

Уолтерс Дж. К. Ключи к роману Диккенса «тайна Эдвина Друда» // <http://virlib.ru/read/15/07166/61.html>

Урнов М. В. Неподражаемый. Чарльз Диккенс — издатель и редактор. — М.: Книга, 1990. — 286 с.

Цвейг С. Диккенс // Цвейг С. Три мастера: Бальзак, Диккенс, Достоевский; Триумф и трагедия Эразма Роттердамского. — М.: Республика, 1992. — С. 36—61.

Цимбаева Е. Исторические ключи к литературным загадкам: «Тайна Эдвина Друда» // Вопросы литературы. — 2005. — № 3: <http://magazines.russ.ru/voplit/2005/3/ci16.html>

Чарльз Диккенс (1812—1870): Метод. материалы к вечеру, посвященному 100-летию со дня смерти. — М.: Всесоюз. гос. биб-ка

иностр. лит., 1970. — 39 с.

Честертон Г. К. Чарльз Диккенс. — М.: Радуга, 1982. — 205 с.

Trial of John Jasper, lay precentor of Cloisterham Cathedral in the County of Kent, for the murder of Edwin Drood, engineer // <http://www.archive.org/details/trialofjohnjaspe00jasprich>

Тайна Эдвина Друда

Глава I

На рассвете

«**Б**ашня древнего английского собора! Как может быть здесь башня древнего английского собора? Знакомая, массивная, серая, четырехугольная башня старого собора! Откуда она здесь взялась? И какая-то ржавая железная игла — прямо перед башней... Но на самом деле ее нет! С какой стороны ни взглянешь, не видно ржавой железной иглы. Что же это за игла, стоящая теперь между глазом зрителя и башней, и кто ее здесь поставил? Может быть, это просто обычный кол, водруженный по приказанию султана для того, чтобы посадить на него, одного за другим, целую шайку турецких разбойников? Должно быть, так и есть: вот бьют в бубны, гремят цимбалы — и султан во главе длинного торжественного шествия выходит из дворца. Десять тысяч секир блестят при солнечном свете, и тридцать тысяч танцовщиц устилают землю цветами. Потом следуют белые слоны, огромные, в пополах, разукрашенных всеми цветами радуги; им нет числа, как и окружающим их придворным — слугам и провожатым. Все же башня древнего английского собора возвышается где-то на заднем плане, где ее быть никак не может, и на страшном колу не видно никакого жуткого, извивающегося в муках тела. Погодите! Неужели эта игла — всего-навсего самый обыкновенный предмет: заржавленное остроконечье одного из столбиков старой, развалившейся кровати?» Полусонный смех раздается сквозь эти догадки и размышления.

Человек, в рассеянном, медленно восстанавливаемом сознании которого переплелись такие фантастические видения, будто выплывает из их хаоса, приподнимается, дрожа всем телом, и оглядывается вокруг себя. Он находится в дрянной и душной жалкой маленькой

комнатушке с нищенской обстановкой. Сквозь ветхую, дырявую занавесь окна проникает свет раннего утра, мерцающий над грязным захудалым двориком. Он одетым лежит поперек на большой, уродливой, осевшей под тяжестью кровати. На этой же кровати, также одетые, поперек лежат матрос с китайского корабля, ласкар (матрос-индус) и худая испитая женщина. Первые двое спят — а может, это не сон, а какое-то оцепенение — или находятся в забытьи; женщина раздувает нечто вроде маленькой, странного вида трубки, очевидно, пытаясь ее раскурить. Раздуваемый ею и полуприкрытый ее исхудалой рукой уголек освещает, будто крошечная лампа, эту несчастную фигуру в окружающем полумраке, и становится видно ее лицо.

— Другую? — спрашивает женщина глухим, жалобным шепотом. — Хотите другую, дать вам еще? — Он смотрит вокруг себя, прижимая руку к голове. — Вы уже выкурили пять, а пришли в полночь, — продолжала женщина тем же хриплым, жалобным голосом. — Горюшко мне, горе! Бедная я, бедная, голова-то у меня болит, совсем стала плоха! Те двое пришли уже после вас. Просто беда, горюшко, дела плохи, хуже некуда, торговля падает. Мало в доках матросов из Китая, забредет разве какой, еще меньше ласкаров, а они говорят, что никаких новых кораблей в приходе нет и не ожидается! Вот тебе, голубчик, трубочка готова. Помни только, добрая душа, что теперь цена на рынке чертовски высокая. За такой вот наперсток — три шиллинга шесть пенсов, а то и больше сдерут! И знай, голубчик, что никто, кроме меня (и Джека-китайца на той стороне двора, но где там ему до меня) не знает секрета этого состава, только я одна знаю, как смешивать! Ты, голубчик, и заплатишь как следует, подороже, не правда ли?

Говоря это, она продолжает раздувать трубку, а то и сама затягивается, при этом вдыхая в себя значительное количество содержимого.

— Батюшки, легкие-то мои стали плохи, грудь у меня слабая, больная! Погоди, голубчик, уже почти готово. Ах, горюшко, рука-то моя сердечная так и дрожит, точно хочет отвалиться! А я вижу, как ты просыпаешься, и уж говорю себе: я приготовлю ему трубочку, а он-то знает, какой дорогой сейчас опиум, и хорошо, как следует, заплатит мне за него. Головушка моя бедная! Ты видишь, голубчик, я трубки свои делаю из старых чернильных склянок, крошечных, как эта, по

пенни штука. Потом прикреплю к ней мундштук и, взяв состав этой роговой ложечкой из этого наперстка, наполняю тебе трубочку, вот все и готово. Только вот нервы мои никуда не годятся. Я прежде шестнадцать лет пила черт знает какие настойки, а потом за это взялась, и вот это мне почти не вредит. А если и вредит, то чуть-чуть. Не стоит и толковать о таком ничтожном вреде! Зато, голубчик, это глушит голод, дает забвение, да и на еде экономия.

С этими словами она подает ему почти пустую трубку и падает на постель, повернувшись лицом вниз.

Он, шатаясь, встает с кровати, кладет трубку на печку и, отдернув рваную занавеску, с отвращением смотрит на лежащих людей. Он замечает, что женщина до того накурилась опиума, что стала странно походить на лежавшего рядом с ней китайца. Формы его щек, глаз и лба, его цвет лица — все повторяется в ней. Китаец судорожно дергается — борется, быть может, с одним из своих многочисленных богов или дьяволов — и злобно скалит зубы, страшно рыча. Ласкар смеется, и слюни текут по его губам. Женщина теперь лежит не двигаясь, молча, будто спит.

— Какие она может видеть сны? — спрашивает себя проснувшийся человек, сверху вниз вглядываясь в лицо женщины, затем поворачивает к себе ее голову. — Что может ей представляться? Что за видения перед ней? Множество мясных лавок и кабаков и большой кредит там? О чем она может мечтать? Об увеличении числа ее несчастных покупателей, о том, чтобы починить эту отвратительную кровать или вымести этот грязный двор, избавившись от зловонной помойки? Разве какое бы то ни было количество опиума даст возможность подняться до чего-нибудь высшего? Что?

И он нагибается, чтобы расслышать ее невнятный шепот.

— Ничего не понятно!

Он смотрит, как ее время от времени подбрасывает во сне; следит за судорожными движениями, искажающими порой ее лицо и тело — так от быстрых молний иногда ночью содрогается темное небо, — и вдруг чувствует какое-то заразительное желание ей подражать; он невольно опускается в старое облезлое кресло у печки, поставленное, быть может, для таких случаев, и тихо сидит, пока не унимается пробудившийся в нем злой дух подражания. Потом он возвращается к кровати, обеими руками хватает китайца за горло и грубо поворачивает

его лицом к себе. Китаец сопротивляется, пытается отодрать его руки, мычит, протестует.

— Что, что вы говорите?

Молчание длится с минуту.

— Нет, непонятно!

Медленно выпустив из рук китайца, к невнятному мычанию которого он тщетно прислушивается, проснувшийся человек оборачивается к ласкару и стаскивает его на пол. Ласкар, упав, приподнимается, сверкает глазами, делает яростные жесты, размахивает во все стороны руками и старается выхватить из-за пояса нож, которого там нет. Тогда становится очевидным, что женщина заранее, ради безопасности, отобрала и спрятала этот нож; она теперь тоже вскакивает и пытается удержать и уговорить ласкара; когда же они снова бесчувственно падают на пол, нож виднеется не у него, а у нее под одеждой.

При этом становится очень шумно, но в крике ничего нельзя разобрать. Если и слышатся какие-то внятные слова, то в них нет никакого смысла и связи. Поэтому зритель этой сцены, качая головой, только повторяет с мрачной улыбкой:

— Ничего не понятно! — Он произносит это с усмешкой, удовлетворенно кивнув головой. Потом он кладет на стол горсть серебряных монет, находит свою шляпу, спускается, шатаясь, по сломанным деревянным ступенькам, здоровается с привратником, воюющим с крысами в темном углу под лестницей, и выходит на улицу.

После полудня того же дня бледный, изнуренный пешеход подходит к массивной серой башне старинного собора; колокола звонят к вечерне и, вероятно, он обязан был присутствовать на службе, поэтому, ускоряя шаги, торопится войти в дверь собора. Подойдя к певчим, поспешно надевавшим свой белый несвежий официальный наряд, он достает свой и, сделав то же, следует за выходящей из ризницы процессией. Пономарь запирает решетчатую дверку, отделяющую алтарь от клироса, певчие занимают свои места и склоняют головы, закрыв лица руками. Через минуту слова торжественного гимна «Помилуй мя, Боже», как грозные отголоски грома небесного, раздались под старыми мрачными сводами собора.

Глава II

Ректор

Всякий, кто когда-нибудь наблюдал за обычаями степенной птицы грача, внешне напоминающей особ духовного звания, вероятно, не раз замечал, что, когда с наступлением ночи она возвращается домой, в свои гнездовья, в степенное, клерикальное общество своих сотоварищей, два грача вдруг неожиданно отделяются от остальных, и, пролетев немного назад, задерживаются, медлят, а потом снова тихо, как бы неохотно летят за стайей, словно внушая людям мысль о высокой политике мира грачей: эта хитрая пара играет роль отщепенцев, по каким-то своим тайным соображениям будто отказавшихся от всяких сношений с товарищами. Точно так же и здесь, в старинном соборе с четырехугольной массивной башней, когда по окончании службы певчие, толкаясь, высыпают из дверей и различные почтенные лица, видом своим чрезвычайно напоминающие грачей, расходятся во все стороны, двое из них делают несколько шагов назад и медленно прогуливаются по обнесенному оградой гулкому двору перед собором.

Не только день клонится к концу, но и год. Солнце висит низко на небе и, несмотря на свой пурпурный блеск, не греет, а холодно сияет над монастырскими развалинами; ползучие растения, увивающие стены собора, уже усеяли каменные плиты дорожек своими темно-красными листьями. Утром шел дождь, и теперь зимняя дрожь пробегает по лужам на неровных, в трещинах и выбоинах плитах и слегка колышет гигантские вязы, проливающие потоки слез на толстый слой листьев, которыми они же усеяли землю. Подгоняемые дуновением этого ветерка, часть листочков срывается в святилище собора под низким сводом церковной двери; но двое запоздалых прихожан, выходя в эту минуту из собора, ногами снова безжалостно отбрасывают на прежнее место эти несчастные листья. Как бы исполнив этим свою обязанность, один из них запирает дверь большим

тяжелым ключом, а другой быстро удаляется с солидной нотной тетрадью под мышкой.

— Кто это прошел, Топ? Это мистер Джаспер? — спрашивает один из прогуливающих по двору «грачей».

— Точно так, господин ректор.

— Долго же он сегодня оставался!

— Да, господин ректор. И я задержался из-за него, его немного скрючило.

— Скажите, Топ, что ему стало не по себе. А «его немного скрючило» — это не очень прилично, — замечает второй «грач» критическим тоном, как будто говоря: «Вы можете неправильно выражаться в разговоре со светскими людьми и мелким духовенством, но не с ректором».

Мистер Топ, главный сторож собора и чичероне[1] всех посетителей, слишком привык к торжественному тону со своими многочисленными гостями, с туристами, которых по долгу службы сопровождает при осмотре собора, чтобы обратить внимание на такую поправку своих выражений, и потому он с безмолвным достоинством ее не замечает.

— А где и как мистеру Джасперу стало не по себе? — спрашивает ректор. — Мистер Криспаркл справедливо заметил, что лучше сказать «не по себе», именно так, Топ, — говорит он своему собеседнику. — Где же и как мистеру Джасперу стало не по себе?

— Да, сэ, не по себе, — почтительно шепчет Топ.

— Так, Топ.

— Видите ли, сэ, у мистера Джаспера так сперло дыхание...

— Я бы не сказал «сперло», Топ, — снова замечает Криспаркл тем же тоном, — это неприлично перед господином ректором.

— Лучше сказать «задохнулся», — снисходительно произносит ректор, немало польщенный косвенной лестью своего подчиненного.

— Мистер Джаспер до того тяжело дышал, входя в собор, — продолжил Топ, ловко обходя возникший подводный камень, — до того тяжело дышал, что с большим трудом пытался вытягивать ноты, и, вероятно, поэтому с ним через некоторое время приключилось нечто вроде обморока. Его память отключилась. — Мистер Топ произносит это слово подчеркнуто с ударением, пристально глядя на достопочтенного мистера Криспаркла, как бы вызывая его на

поправку. — У него закружилась голова, глаза стали мутными, и такой на него нашел странный столбняк, какого я никогда не видывал, хотя он сам, кажется, и не обратил на это внимания. На него даже страшно было смотреть. Однако я дал ему воды, и к нему вскоре вернулась память, которая было отключилась. — Последнее слово Топ произносит с торжеством, как бы говоря: «Я угадал раз, так давай же повторю».

— Мистер Джаспер отправился домой, совсем уже придя в себя, не правда ли?

— Точно так, господин ректор, он пошел домой, уже полностью придя в себя. И я вижу, что он развел у себя огонь; теперь холодненько, а в соборе сегодня было очень сыро — он, бедный, совсем продрог и даже дрожал, будто его била лихорадка.

При этом они все трое взглянули в сторону старых каменных ворот, под сводами которых проходила дорога. Сквозь решетчатые окна каменного строения над воротами виднеется мерцание пылающего огня, благодаря чему в быстро наступающих сумерках прячется в тени черная масса плюща, винограда и других вьющихся растений на фасаде здания. При глухом бое соборного колокола какая-то дрожь пробегает по этой вьющейся листве, будто эхо торжественных звуков, перекатывающихся по всем уступам, углублениям, башням, могилам и статуям гигантской массы собора.

— А племянник мистера Джаспера приехал, уже у него? — спрашивает ректор.

— Нет, сэр, — отвечает сторож, — но его ожидают. Сейчас мистер Джаспер один. Вот виднеется фигура мистера Джаспера между двумя окнами: тем, которое выходит сюда, и тем, что на Большую улицу. Он сам задергивает свои занавески.

— Хорошо, хорошо, — быстро произносит ректор, явно желая прекратить беседу и закончить это маленькое совещание. — Я надеюсь, что мистер Джаспер не слишком отдается чувству привязанности к своему племяннику. Наши привязанности, как бы они ни были похвальны, не должны в сей брэнной жизни управлять нами; наоборот, мы должны руководить ими, даже управлять ими. А вот и мой звонок к обеду; приятно его слышать, когда проголодаешься, он напоминает, что меня ждут. А вы, мистер Криспаркл, по дороге домой, может быть, зайдете к Джасперу?

— Конечно, господин ректор. Сказать ему, что вы были так любезны и пожелали узнать о его здоровье?

— Да, да, скажите. Я пожелал узнать о его здоровье. Конечно, так и скажите, что я пожелал узнать о его здоровье.

При этом ректор с покровительственным видом сдвигает свою украшенную лентами шляпу набекрень, конечно, чуть-чуть, то есть насколько это прилично ректору — такому важному духовному лицу в хорошем расположении духа, и степенно направляется к сияющим рубиновым светом окнам столовой старого уютного кирпичного дома, где он проживает в настоящее время вместе с госпожой ректоршей и дочерью.

Мистер Криспаркл, младший каноник, красивый, румяный молодой человек, рано встающий и вечно бросающийся с головой во все окрестные водоемы — реку или озеро; мистер Криспаркл, младший каноник, веселый, добродушный и приятный, знаток классики и музыки, всем довольный по виду, если не по годам; мистер Криспаркл, младший каноник и добрый мальчик, еще недавно репетитор в колледже, лихо правивший лошадьми на больших дорогах язычества, а теперь получивший бразды на вождение душ по стезе христианской веры благодаря покровительству одного вельможи (признательного за хорошее воспитание его сына), хоть и спешит домой, но не забывает зайти в каменное здание.

— Мы с сожалением узнали от Топа о вашем нездоровье, мистер Джаспер.

Кінець безкоштовного уривку. Щоби читати далі, придбайте, будь ласка, повну версію книги.

ridmi
ТВІЙ УЛЮБЛЕНИЙ КНИЖКОВИЙ

КУПИТИ